

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

РОБЕРТ
ХАРРИС

ОФИЦЕР
И
ШПИОН

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х 21

Robert Harris
AN OFFICER AND A SPY
Copyright © 2013 by Robert Harris
All rights reserved

Перевод с английского Григория Крылова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

Харрис Р.

Х 21 Офицер и шпион : роман / Роберт Харрис ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 480 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-12207-9

Франция, 1890-е годы. Сотрудник французской спецслужбы капитан Альфред Дрейфус объявлен особо опасным преступником, подвергнут гражданской казни и сослан на тропический остров в Атлантическом океане. Официальное обвинение — шпионаж в пользу Германии. Жорж Пикар, бывший наставник Дрейфуса, а затем начальник одного из отделов департамента разведки, ведет собственное расследование этого противоречивого дела, к тому же откровенно окрашенного в националистические тона. Главный обвинительный материал против Дрейфуса — таинственная «секретная папка», якобы содержащая все необходимые доказательства. Вот ее-то и надо найти Пикару, чтобы показать миру невиновность своего подопечного.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12207-9

© Г. Крылов, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Джилл

От автора

Задача этой книги — в художественной форме рассказать подлинную историю дела Дрейфуса — дела, которое стало настоящим позором для правосудия и, пожалуй, самым крупным политическим скандалом, завладевшим в 1890-е годы умами французов, а потом и людей всего мира. Это случилось через четверть века после того, как немцы нанесли поражение Франции в войне 1870 года и заняли территории Эльзаса и Лотарингии, что нарушило соотношение сил в Европе и стало спусковым механизмом Первой и Второй мировых войн.

Ни один из персонажей, даже самых незначительных, этого романа не вымышлен, и почти все события, в той или иной степени, имели место в действительности.

Для того чтобы превратить историю в роман, мне, естественно, пришлось прибегнуть к упрощениям, полностью вывести из романа некоторые исторические фигуры, придать действию большую драматичность, а также додумать многочисленные детали. Так, например, Жорж Пикар никогда не писал секретного отчета о деле Дрейфуса и не помещал его в банковское хранилище в Женеве с указанием, что оно должно оставаться в сейфе, пока не пройдет сто лет со дня его кончины.

Но писатель имеет право на фантазию.

Роберт Харрис
День взятия Бастилии, 2013 год

Персонажи

Семья Дрейфуса

Альфред Дрейфус

Люси Дрейфус, жена

Матье Дрейфус, брат

Пьер и Жанна Дрейфус, дети

Армия

Генерал Огюст Мерсье, военный министр в 1893–1895 гг.

Генерал Жан-Батист Бийо, военный министр в 1896–1898 гг.

Генерал Рауль ле Мутон де Буадефр, начальник Генерального штаба

Генерал Шарль-Артур Гонз, начальник Второго департамента (разведка)

Генерал Жорж Габриэль де Пельё, командующий войсками департамента Сена

Полковник Арман дю Пати де Клам

Полковник Фуко, военный атташе в Берлине

Майор Шарль Фердинанд Вальсен-Эстерхази, Семьдесят четвертый пехотный полк

Статистический отдел

Полковник Жан Сандерр, глава отдела, 1887–1895

Полковник Жорж Пикар, глава отдела, 1895–1897

Майор Юбер-Жозеф Анри

Капитан Жюль-Максимильян Лот

Капитан Жюнк

Капитан Вальдан

Феликс Гриблен, архивист

Мадам Мари Бастьян, агент

Уголовная полиция

Франсуа Гене

Жан-Альфред Девернин

Луи Тон

Графолог

Альфонс Бертийон

Юристы

Луи Леблуа, друг и адвокат Пикара

Фернан Лабори, адвокат Золя, Пикара и Альфреда Дрейфуса

Эдгар Деманж, адвокат Альфреда Дрейфуса

Поль Бертиолью, судебный следователь

Круг Жоржа Пикара

Полин Монье

Бланш де Комменж и ее семья

Луи и Марта Леблуа, друзья из Эльзаса

Эдмон и Жанна Гаст, двоюродный брат и его жена

Анна и Жюль Ге, сестра и зять

Жермен Дюкасс, друг и протеже

Майор Альбер Кюре, старый армейский приятель

Дипломаты

Полковник Максимилиан фон Шварцкоппен, немецкий военный
атташе

Майор Алессандро Паниццарди, итальянский военный атташе

Дрейфусары

Эмиль Золя

Жорж Клемансо, политик и публицист

Альбер Клемансо, юрист

Огюст Шерер-Кестнер, вице-президент французского сената

Жан Жорес, лидер французских социалистов

Жозеф Рейнах, политик и писатель

Артур Ранк, политик

Бернар Лазар, писатель

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Майор Пикар к военному министру...

Часовой на улице Сен-Доминик выходит из будки, чтобы открыть ворота, и я бегу сквозь снежный вихрь по обдуваемому всеми ветрами двору в теплый вестибюль дворца де Бриенн¹, где вижу стройного молодого капитана Республиканской гвардии, который поднимается со стула, чтобы отдать мне честь. Я повторяю более настойчивым голосом:

— Майор Пикар к военному министру!

Мы с капитаном идем в ногу — я следом — по черному и белому мрамору официальной резиденции министра, вверх по изгибающейся лестнице, мимо серебряных доспехов времен «короля-солнце», мимо этого отвратительного образца имперского китча — картины «Наполеон на перевале Сен-Бернар» кисти Давида². Наконец мы оказываемся на втором этаже, где останавливаемся перед окном, из которого открывается вид на прилегающую территорию, и капитан уходит, чтобы сообщить о моем появлении, а я остаюсь один, созерцая нечто редкое и прекрасное: зимнее утро, сад, онемевший от снега в центре города. Даже желтые электрические лампы в военном мини-

¹ Во дворце де Бриенн, названном так по имени одного из его прежних владельцев, графа де Бриенна, располагается резиденция военного министра (ныне министра обороны) Франции. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примеч. перев.*

² *Жак-Луи Давид* (1748–1825) — французский живописец, крупный представитель французского неоклассицизма.

стерстве, мерцающие за ветками деревьев, производят какое-то волшебное впечатление.

— Генерал Мерсье ждет вас, майор.

Кабинет министра громаден, на его стенах деревянные голубоватые панели цвета утиного яйца. Двойной балкон выходит на усыпанную снегом лужайку. Двое пожилых военных в черной форме, старшие офицеры военного министерства, греются, стоя спиной к камину. Один из них — генерал Рауль ле Мутон де Буадефр, начальник Генерального штаба, специалист по России, архитектор нашего активно развивающегося союза с новым царем. Генерал столько времени провел при царском дворе, что со своими неухоженными бакенбардами стал похож на русского графа. Другому военному чуть больше шестидесяти, и это начальник де Буадефра — сам военный министр, генерал Огюст Мерсье.

Я марширую к середине ковра и отдаю честь.

У Мерсье неподвижное морщинистое лицо, похожее на кожаную маску. Время от времени у меня возникает странная иллюзия, будто за мной сквозь прищуренные веки наблюдает другой человек. Своим тихим голосом он произносит:

— Итак, майор Пикар, много времени это не заняло. И когда закончилось?

— Полчаса назад, генерал.

— Значит, можно ставить точку?

— Можно, — киваю я.

Тут-то все и начинается.

— Присядьте у огня, — приказывает министр. Он всегда говорит очень тихо. — Пододвиньте его, — указывает он мне на позолоченный стул. — Снимите шинель. Расскажите нам, как все было.

Генерал садится на краешек стула в ожидании: его тело чуть наклонено вперед, руки сцеплены, локти лежат на коленях. Протокол не позволил ему явиться на утренний спектакль лично. Он пребывает в положении импресарио, который пропустил собственное шоу, и жаждет подробностей: откровений, наблюдений, нюансов.

— Прежде всего, какое было настроение на улицах?

— Я бы сказал, на улицах царило настроение... ожидания.

Я рассказываю, как вышел из своей квартиры в предрассветной темноте и направился в Военную школу¹, говорю для начала о том, что на улицах стояла необычная тишина, ведь сегодня суббота («Еврейский Шаббат», — чуть улыбнувшись, добавляет Мерсье) и к тому же лютый мороз. Вообще-то — хотя я и не говорю об этом, — когда я шел по плохо освещенным тротуарам улицы Буасьер и проспекта дю Трокадеро, меня охватили сомнения: не закончится ли провалом великая постановка министра. Но когда я добрался до моста Альма и увидел мрачную толпу, идущую над темными водами Сены, мне стало ясно то, что Мерсье, вероятно, знал с самого начала: человеческое желание видеть унижение другой человеческой особи всегда будет сильнее любого мороза.

Я влился в толпу, направлявшуюся на юг через реку и дальше по проспекту Боке. Поток людей был настолько широк, что не вмещался на деревянный тротуар и тек по улице. Это напомнило мне толпу на ипподроме, люди были охвачены таким же массовым предвкушением, общим желанием получить пикантное удовольствие. Туда-сюда ходили газетчики, продавая утренние выпуски. От жаровен поднимался запах жареных каштанов.

В конце проспекта я вышел из толпы и направился к Военной школе, где еще год назад служил преподавателем топографии. Толпа текла мимо меня к официальному месту сбора на площади Фонтенуа. Светало. Школа наполнилась звуками барабанов и горнов, стуком копыт и бранью, громкими приказами, грохотом ботинок. Каждый из пяти пехотных полков, расквартированных в Париже, получил приказ отправить на церемонию по две роты — одну из ветеранов, а другую из новых рекрутов, чье моральное состояние укрепитсся этим примером. Я прошел мимо больших залов и оказался на бульваре Морлан, где полки уже строились в свои тысячи на замерзшей слякоти.

¹ *Военная школа* — обширный комплекс зданий различных военных учреждений Франции, расположенный в VII округе Парижа, в юго-восточной части Марсова поля.

Я никогда не присутствовал на публичной казни, никогда не чувствовал этой атмосферы, но думаю, она должна быть именно такой, как в школе тем утром. Громадный простор бульвара Морлан являл собой подходящую сцену для грандиозного спектакля. Вдали, за ограждениями, в полукруге площади Фонтенуа, за цепочкой облаченных в черную форму жандармов, шевелилось огромное журчащее море розовых лиц. Каждый сантиметр пространства был заполнен. Люди стояли на скамьях, на крышах экипажей и омнибусов, сидели на деревьях, один человек даже сумел забраться на вершину стелы, воздвигнутой в память о войне 1870 года.

Мерсье, слушая мой рассказ, спрашивает:

— И сколько, по вашей оценке, там присутствовало?

— Полицейская префектура заверила меня, что двадцать тысяч.

— Всего? — Мои слова производят на министра меньшее впечатление, чем я ожидал. — Вы знаете, что первоначально я планировал устроить церемонию на Лонгшане? Ипподром вмещает пятьдесят тысяч.

— И судя по всему, министр, он был бы заполнен, — подобострастно говорит Буадефр.

— Без сомнения, мы бы его заполнили! Но министр внутренних дел счел, что существует опасность беспорядков. А я говорю: чем больше толпа, тем нагляднее урок.

И все же двадцать тысяч для меня много. Толпа издавала приглушенный, но зловещий звук, похожий на дыхание какого-то хищного животного: вот сейчас оно дремлет, а через мгновение может наброситься на вас. Незадолго до восьми появился кавалерийский эскорт, неторопливо двигавшийся перед толпой, и вдруг животное начало шевелиться, потому что между всадниками можно было разглядеть черную тюремную карету, которую тащила четверка лошадей. Волна издевательских криков становилась все громче, накатывая на карету. Кортёж замедлил ход, открылись ворота, и карета с сопровождением загрохотала по брусчатке школы.

Я проводил их взглядом — они исчезли во внутреннем дворе. И тут стоящий рядом со мной человек сказал:

— Заметьте, майор Пикар: римляне скармливали львам христиан, а мы — евреев. Прогресс мне кажется очевидным.

На нем была шинель с поднятым воротником, на шее серый шарф, шапка натянута низко на глаза. Сначала я узнал его по голосу, а затем по тому, как бесконтрольно сотрясается его тело.

— Полковник Сандерр. — Я отдал честь.

— Где вы встанете, чтобы наблюдать шоу? — спросил Сандерр.

— Пока не думал об этом.

— Приглашаю вас со мной и моими людьми.

— Спасибо за честь. Но сначала я должен убедиться, что все происходит в соответствии с указаниями министра.

— Когда вы покончите со своими обязанностями, мы будем вон там. — Дрожащей рукой полковник показал в сторону бульвара Морлан. — Вид оттуда открывается хороший.

Мои обязанности! Вспоминая его слова, я хочу надеяться, что в них не было сарказма. Я прошел в гарнизонное управление, где арестованный содержался под надзором капитана Лебрана-Рено из Республиканской гвардии. Я не имел желаний вновь увидеть приговоренного. Всего два года назад он был моим учеником в этом самом здании. Теперь мне было нечего ему сказать, я не испытывал к нему никаких чувств. Я бы хотел, чтобы он никогда не родился, а уж если родился, то исчез из Парижа, из Франции, из Европы. Солдат вызвал ко мне Лебрана-Рено, который оказался краснолицым неуклюжим парнем, похожим на полицейского. Он вышел и доложил:

— Предатель нервничает, но спокоен. Не думаю, что от него можно ждать каких-то неприятностей. Нити в его одежде ослаблены, а сабля распилена наполовину, чтобы легко сломалась. Всякие случайности исключены. Если он попытается произнести речь, генерал Дарра подаст знак и оркестр начнет играть, чтобы заглушить его слова.

— Интересно, какие же мелодии нужно играть, чтобы заглушить человека? — задумчиво говорит Мерсье.

— Может, морскую песенку, министр? — предполагает Буадефр.

— Неплохо, — рассудительно говорит Мерсье, однако при этом не улыбается, он вообще редко улыбается. Теперь генерал снова обращается ко мне: — Значит, вы наблюдали за происходящим вместе с Сандерром и его людьми. И что вы о них думаете?

Я не уверен, как мне следует отвечать, — ведь Сандерр все-таки полковник — и потому говорю осторожно:

— Это преданная группа патриотов, они проделывают важнейшую работу, но практически остаются не оцененными.

Ответ хорош. Настолько хорош, что может стать поворотным пунктом в моей жизни, а вместе с этим и в истории, которую я собираюсь рассказать. Во всяком случае Мерсье — или человек за маской Мерсье — внимательно вглядывается в меня, словно проверяя, искренни ли мои слова. Потом одобрительно кивает:

— Вы правы, Пикар. Франция многим им обязана.

Все шестеро этих образцов совершенства присутствовали сегодня на кульминации их работы в подразделении, эвфемистически названном статистическим отделом Генерального штаба. Я разыскал их после разговора с Лебраном-Рено. Они расположились чуть в стороне от всех, в юго-западном углу плаца под защитой одного из низких зданий, стоявших вокруг. Сандерр держал руки в карманах, опустил голову и, казалось, вообще здесь отсутствовал.

— Вы помните, — прерывает меня военный министр, поворачиваясь к Буадефру, — что Жана Сандерра когда-то называли самым красивым офицером во французской армии?

— Прекрасно помню, министр, — подтверждает начальник Генерального штаба. — Теперь в это трудно поверить. Бедняга.

По одну сторону от Сандерра стоял его заместитель, толстый алкоголик с лицом кирпичного цвета, он регулярно делал глоток из металлической фляжки, которую извлекал из набедренного кармана, по другую — единственный человек из его офицеров, которого я знал в лицо, — массивный Жозеф Анри, он похлопал меня по плечу и выразил надежду, что я упомяну его в своем докладе министру. В сравнении с ним два младших офицера секции, оба капитаны, казались бесцветными. Был

еще и гражданский, костлявый клерк, который, судя по его виду, редко бывал на свежем воздухе. Он держал в руке театральный бинокль. Они подвинулись, освобождая для меня место, а алкоголик предложил глотнуть его грязного коньяка. Вскоре к нам присоединились еще двое посторонних — чиновник из Министерства иностранных дел и неприятный олух из Генерального штаба полковник дю Пати де Клам. Его монокль посверкивал в утреннем свете, как пустая глазница.

Близилось время начала, и в воздухе под зловеще-бледным небом ощущалось нарастающее напряжение. Почти четыре тысячи солдат были выведены на плац, но от них не исходило ни звука. Даже толпа смолкла. Движение происходило только по краям бульвара Морлан, где несколько приглашенных гостей — в сопровождении офицеров — с виноватым видом людей, опоздавших на похороны, спешили занять свои места. Крохотную стройную женщину в белой меховой шляпке и муфте, с вычурным голубым зонтиком сопровождал на место драгунский лейтенант. Некоторые зрители, располагавшиеся близ ограждения, узнали ее, и над грязью послышался легкий шелест аплодисментов, сопровождаемый криками: «Ура!» и «Браво!».

Сандерр, подняв голову, проворчал:

— Это что еще за мырма?

Один из капитанов взял у клерка театральный бинокль и навел на даму в мехах, которая теперь кивала и крутила зонтиком, благодаря толпу.

— Черт меня раздери, если это не божественная Сара! — Он чуть перенастроил бинокль. — А провожает ее Рошбо из двадцать восьмого, вот повезло сукину сыну.

Мерсье сидит, откинувшись на спинку кресла и гладит свои седые усы. Сара Бернар, пришедшая на его постановку! Вот что ему нужно от меня: художественный штрих, слухи в обществе. Но все же он изображает недовольство:

— Не могу представить, кто это догадался пригласить актрису...

Без десяти девять командующий действием генерал Дарра проскакал по мощеной дорожке в центр плаца. Лошадь генерала фыркнула и мотнула головой, когда он натянул поводья.

Она описала круг, глядя на огромную толпу, стукнула копытом по земле и замерла.

В девять начали бить часы и прозвучали слова команды:

— Роты! Смирно!

Четыре тысячи пар ног одновременно ударили о землю, словно гром грянул. В тот же момент из дальнего угла плаца появилась группа из пяти человек и двинулась к генералу. Когда они подошли ближе, их неясные очертания определились: четверо солдат с винтовками, а в центре — фигура осужденного. Они маршировали таким четким шагом, с такой выверенной скоростью, что удар их правой ноги о землю на каждом пятом шаге совпадал с боем часов. Осужденный только раз сбился, но тут же опять зашагал в ногу. Когда стихло эхо последнего удара часов, они остановились и отдали честь. Потом солдаты с винтовками развернулись и двинулись прочь, оставив осужденного перед генералом.

Раздалась дробь барабанов. Зазвучал горн. Вперед вышел чиновник с листом бумаги, держа его высоко перед глазами. Бумага трепыхалась на ледяном ветру, но голос его звучал удивительно мощно для такого маленького человека.

— Именем народа Франции, — нараспев проговорил он, — Первый постоянно действующий трибунал военного губернатора Парижа, заседавший при закрытых дверях, на открытом заседании вынес следующий приговор. Перед членами суда был поставлен единственный вопрос: виновен ли Альфред Дрейфус, капитан четырнадцатого артиллерийского полка, аттестованный офицер Генерального штаба и стажер Генерального штаба, в предоставлении иностранной державе или ее агентам в Париже в тысяча восемьсот девяносто четвертом году некоего числа секретных или конфиденциальных документов, касающихся национальной обороны?

Суд единогласно решил: «Да, обвиняемый виновен».

Суд единогласно приговаривает Альфреда Дрейфуса к пожизненному заключению, объявляет капитана Альфреда Дрейфуса уволенным и определяет, что его разжалование должно происходить перед армейскими частями Парижского гарнизона.

Чиновник отошел назад. Генерал Дарра поднялся в стремених и вытащил саблю. Осужденному пришлось закинуть назад голову, чтобы видеть его. Пенсне у него отобрали. На нем теперь были очки без оправы.

— Альфред Дрейфус, вы не достойны носить оружие. Именем французского народа мы разжалуем вас!

— И в этот момент, — говорю я Мерсье, — осужденный впервые заговорил.

Мерсье от удивления вздрогнул:

— Он заговорил?

— Да. — Я вытаскиваю блокнот из кармана брюк. — Он поднял руки над головой и прокричал... — Тут я сверяюсь с записью, чтобы точно воспроизвести слова. — «Солдаты, они разжалуют невиновного! Солдаты, они бесчестят невиновного! Да здравствует Франция! Да здравствует армия!» — Я читаю ровным, лишенным эмоций голосом, подражая интонации Дрейфуса, с той только разницей, что Дрейфус, еврей из Мюлуза¹, произносил слова с едва заметным немецким акцентом.

— Как это допустили? — хмурится министр. — С ваших слов я понял, что они собирались играть марш, если осужденный попытается произнести речь?

— Генерал Дарра решил, что несколько протестующих выкриков не являются речью, а музыка нарушит помпезность мероприятия.

— Толпа как-нибудь реагировала?

— Да. — Я снова сверяюсь с записями. — Они начали распевать: — «Смерть... смерть... смерть...»

Когда началось пение, мы посмотрели в сторону ограждения.

— Им нужно поспешать, иначе мероприятие выйдет из-под контроля, — сказал Сандерр.

Я попросил театральный бинокль, поднес его к глазам и, наведя на резкость, увидел человека гигантского роста, старшего сержанта Республиканской гвардии — теперь Дрейфусом занялся он. Несколькими мощными движениями он сорвал эпо-

¹ *Мюлуз* — город и коммуна на северо-востоке Франции в Эльзас-Лотарингии.

леты с мундира Дрейфуса, потом все пуговицы и золотые галуны с рукавов, затем встал на колени и сорвал золотую тесьму с его брюк. Я сосредоточился на выражении лица Дрейфуса. Оно было непроницаемым. Он смотрел перед собой, его покачивало из стороны в сторону при этих унижительных действиях, как ребенка, на котором поправляет одежду раздраженный взрослый. Наконец старший сержант вытащил саблю Дрейфуса из ножен, воткнул в землю и ударом ноги разломал ее. Обе половинки он бросил в кучу хлама у ног Дрейфуса и, сделав два резких шага назад, приложил руку к виску, а Дрейфус смотрел на попранные символы его чести.

— Ну-ка, Пикар, — нетерпеливо сказал Сандерр, — у вас же бинокль. Расскажите, как он выглядит.

— Он выглядит, — ответил я, возвращая бинокль клерку, — как еврейский портной, подсчитывающий стоимость погибших золотых шнуров. Будь у него на шее метр, можно было бы сказать, что он стоит в портновской мастерской на улице Обер.

— Это хорошо, — сказал Сандерр. — Мне нравится.

— Очень хорошо, — эхом звучит голос Мерсье, который теперь закрывает глаза. — Прекрасно вижу его.

Дрейфус снова прокричал:

— Да здравствует Франция! Клянусь, что я невиновен.

Потом он начал долгий путь с сопровождением вдоль каждой из четырех сторон бульвара Морлан, прошел в своей разодранной форме перед всеми подразделениями, чтобы каждый солдат навсегда запомнил, как армия поступает с предателями. Время от времени он выкрикивал: «Я невиновен!», вызывая в толпе издевки и выкрики: «Иуда!» и «Еврейский предатель!». Казалось, это продолжалось бесконечно, хотя по моим часам — не более семи минут. Когда Дрейфус двинулся в нашу сторону, чиновник из МИДа, в чьих руках в этот момент оказался бинокль, сказал утомленным голосом:

— Не понимаю, как этот тип позволяет так унижать себя и в то же время говорит о собственной невинности. Если бы он был невиновен, то, конечно, сопротивлялся бы, а не позволил так покорно водить себя. Или это типично еврейская черта, как вы думаете?

— Конечно, это еврейская черта! — ответил Сандерр. — Эта раса начисто лишена патриотизма, чести, гордости. Они всегда только и делали, что предавали людей, среди которых жили много веков, начиная с Иисуса Христа.

Когда Дрейфус проходил мимо них, Сандерр повернулся к нему спиной, демонстрируя свое презрение. Но я не мог оторвать от него глаз. То ли из-за трех месяцев, проведенных в тюрьме, то ли из-за холода лицо Дрейфуса приобрело бледно-серый цвет — цвет личинки — и опухло. Его черный мундир без пуговиц распахнулся, обнажив белую рубаху. Редкие волосы торчали клочьями, и что-то сверкало в них. Он шел в ногу со своим эскортом. Посмотрел в нашу сторону, наши взгляды на миг встретились, и я смог заглянуть в его душу, увидев там животный страх, отчаянную умственную борьбу за то, чтобы остаться самим собой. Глядя на Дрейфуса, я понял, что его волосы отливают слюной. Он, вероятно, спрашивал себя, какую роль в его уничтожении сыграл я.

Оставался всего один этап его голгофы, наихудший для него, я в этом не сомневался: ему предстояло пройти вдоль ограждения, за которым стояла толпа. Полицейские сцепили руки, чтобы удерживать людей на расстоянии. Но когда зрители увидели приближающегося осужденного, они стали напирать. Полицейское оцепление подалось, цепочка натянулась, а потом порвалась, и несколько протестующих прорвались наружу, они пробежали по мощеной площади и выстроились вдоль ограждения. Дрейфус остановился, повернулся лицом к ним, поднял руки и что-то сказал. Но он стоял спиной ко мне, и я не слышал его слов, только знакомые выкрики ему в лицо «Иуда!», «Предатель!» и «Смерть этому еврею!».

В конце концов сопровождение оттащило его и повело к тюремному экипажу, который ждал впереди вместе с конным сопровождением. На осужденного надели наручники. Он вошел в экипаж, двери закрыли и заперли, хлестнули лошадей, и кавалькада тронулась — выехала за ворота на площади Фонтенуа. На мгновение я усомнился, что экипаж уйдет от окружившей его толпы — люди тянули руки, чтобы ударить в стенки экипажа. Но кавалерийские офицеры успешно отогнали их плоской

стороной сабель. Дважды я слышал удар хлыста. Кучер прокричал слова команды, лошади побежали резвее и вырвались из толпы, потом свернули налево и исчезли из вида.

Мгновение спустя стоявшим на плацу отдали команду разойтись. Раздался топот тысяч сапог, казалось, сотряслась сама земля. Зазвучали горны. Раздалась дробь барабанов. В тот момент, когда оркестр заиграл марш «Самбра и Маас»¹, пошел снег. Я испытал громадное облегчение. Думаю, все мы испытали облегчение. Мы вдруг спонтанно принялись пожимать друг другу руки. Ощущение было такое, будто здоровое тело извергло из себя нечто грязное и тлетворное и теперь можно начать жизнь с чистой страницы.

Я заканчиваю мой доклад. В министерском кабинете воцаряется тишина, если не считать потрескивания огня.

— Предатель остается живым, — говорит наконец Мерсье. — Это единственное, о чем приходится пожалеть. Я говорю это скорее ради него самого, чем кого-либо другого. Какая жизнь его теперь ждет? Было бы гуманнее прикончить его. Вот почему я обратился в палату депутатов с просьбой о возвращении смертной казни за измену.

— Вы сделали что могли, министр, — заискивающе поддакивает Буадефр.

Мерсье встает, его коленные суставы издают треск. Он подходит к большому глобусу, который стоит на подставке перед его письменным столом, и подзывает меня. Надевает очки и, словно близорукое божество, смотрит на глобус.

— Мне необходимо поместить его в такое место, где он будет лишен возможности общаться с кем бы то ни было. Не хочу, чтобы он и дальше распространял свои предательские письма.

Министр накрывает на удивление изящной рукой северную полусферу и осторожно поворачивает мир. Мимо нас проплывает Атлантика. Он останавливает глобус и показывает какую-то точку на побережье Южной Америки, в семи тысячах кило-

¹ «Самбра и Маас» — военный французский марш, созданный в 1870 году Робером Планкеттом на слова Поля Сезано.

метров от Парижа. Он смотрит на меня, вскидывает бровь, предлагая мне догадаться.

— Колония для преступников в Кайенне?¹

— Почти угадали, только еще безопаснее. — Мерсье наклоняется над глобусом и постукивает по какой-то точке. — Чертов остров² — в пятнадцати километрах от берега. В море вокруг него полно акул. Громадные волны и сильные течения даже обычной лодке не позволяют причалить.

— Я думал, его уже закрыли много лет назад.

— И закрыли. Его последними обитателями были осужденные, больные проказой. Мне потребуется одобрение палаты депутатов, но теперь я его получу. Остров откроют специально для Дрейфуса. Что скажете?

Первая моя реакция — удивление. Мерсье, женатый на англичанке, считается республиканцем и человеком свободомыслящим — он не ходит на мессу, например, что вызывает у меня восхищение. И невзирая на все это, в нем есть что-то от фанатика-иезуита.

«Чертов остров? — думаю я. — У нас на пороге вроде бы двадцатый век, а не восемнадцатый...»

— Ну? — повторяет он. — Что скажете?

— Это немного... — Я осторожно подбираю слова, стараясь быть тактичным. — Смахивает на Дюма...

— Дюма? Что вы имеете в виду?

— Только то, что это похоже на наказание из исторической художественной литературы. Я слышу в этом отзвук Железной Маски. Не станет ли Дрейфус «Человеком с Чертова острова»? Это сделает его самым знаменитым заключенным в мире...

— Вот именно! — восклицает Мерсье и ударяет себя по бедру: такое проявление эмоций у него — случай довольно редкий. — Это мне и нравится. Все только и будет об этом говорить.

¹ *Кайенна* — административный центр Французской Гвианы, заморского департамента Франции.

² *Чертов остров* — один из трех островов архипелага Салю, в 13 километрах от побережья Французской Гвианы; в 1852–1952 годах служил тюрьмой для особо опасных преступников.

Я склоняюсь перед его начальствующим политическим суждением. Хотя и задаю себе вопрос, как отнесется ко всему публика. И только когда я беру шинель, собираясь уходить, Мерсье предлагает мне разгадку.

— Вероятно, вы в последний раз видите меня в этом кабинете.

— Очень жаль, генерал.

— Как вы знаете, политика меня не интересует — я профессиональный солдат, а не политик. Но насколько я понимаю, среди партий существует огромное расхождение и правительство может продержаться еще неделю-две. Возможно, даже президент сменится. — Он пожимает плечами. — Как бы то ни было, дела обстоят именно так. Мы, солдаты, служим там, где нам прикажут. — Генерал пожимает мне руку. — На меня произвели впечатление те способности, которые вы продемонстрировали в ходе этого несчастного дела, майор Пикар. Ваша служба не будет забыта. Верно я говорю, начальник штаба?

— Верно, министр. — Буадефр тоже поднимается, чтобы пожать мне руку. — Спасибо, Пикар. Вы были великолепны. Впечатление такое, будто я сам побывал там. Кстати, как ваше изучение русского?

— Сомневаюсь, что мне удастся говорить по-русски, генерал, но уже сейчас я могу читать Толстого. Конечно, со словарем.

— Отлично. Отношения между Францией и Россией развиваются. Хорошее знание русского будет очень полезным для карьеры молодого офицера.

Я уже у двери, собираюсь ее открыть, слегка польщенный их словами, но тут Мерсье неожиданно спрашивает:

— Скажите, а мое имя хоть раз упоминалось?

— Простите? — Я не уверен, что он имеет в виду. — Упоминалось в каком контексте?

— Во время утренней церемонии сегодня.

— Не думаю...

— Это не имеет никакого значения. — Мерсье делает пренебрежительный жест. — Я просто подумал, не было ли каких-либо демонстраций в толпе...

- Нет, ничего такого я не видел.
 - Хорошо. Я ничего такого и не предполагал.
- Я беззвучно закрываю за собой дверь.

Выйдя в каньон улицы Сен-Доминик, где гуляет ветер, я хватаюсь за фуражку и иду сто метров до следующей двери военного министерства. На улице никого нет. У моих коллег-офицеров в субботу явно находятся дела получше, чем присутствовать на бюрократических армейских мероприятиях. Здравомыслящие ребята! Я напишу рабочий отчет, очищу стол и попытаюсь выкинуть Дрейфуса из головы. Взабегаю по лестнице и по коридору спешу в мой кабинет.

Со времен Наполеона военное министерство было разделено на четыре департамента. Первый занимается управлением, второй — разведкой, третий — операциями и обучением, четвертый — транспортом. Я работаю в третьем под командой полковника Буше, которого — он тоже из категории здравомыслящих — в это зимнее утро нигде не видно. Я его заместитель, и у меня есть собственный небольшой кабинет — голая монашеская келья с окошком, выходящим на мрачного вида внутренний двор. Два стула, стол и шкаф — вот и вся моя мебель. Отопление не работает. Воздух такой холодный, что я вижу облачко собственного дыхания. Я сажусь, не снимая шинели, и смотрю на завалы бумаг, накопившиеся за последние несколько дней. Со стоном беру одну из папок.

Проходит, вероятно, часа два, когда я слышу приближающийся по пустому коридору тяжелый топот. Я не знаю, кто это. Он проходит мимо моего кабинета, останавливается, возвращается и встает у моей двери. Дверь настолько тонка, что я слышу его тяжелое дыхание. Я встаю, бесшумно подхожу к двери, прислушиваюсь, потом резко распахиваю ее и вижу начальника второго департамента — то есть главу военной разведки, который смотрит на меня. Не знаю, кто из нас смущен в большей степени.

— Генерал Гонз, — говорю я, отдавая честь. — Я понятия не имел, что это вы.

Гонз известен тем, что работает по четырнадцать часов в сутки. Я мог бы догадаться, что если в здании и есть кто-то еще, так это он. Его враги говорят, иначе ему не справиться с работой.

— Все в порядке, майор Пикар. Это здание настоящий лабиринт. Вы позволите? — Он вперевалочку на своих коротких ногах входит в мой кабинет, попыхивая сигаретой. — Извините, что мешаю вам, но мне только что пришло сообщение от полковника Герена с Вандомской площади. Он говорит, что Дрейфус сегодня утром на плацу во всем признался. Вы это знали?

Я смотрю на него как идиот:

— Нет, генерал, не знал.

— Судя по всему, за полчаса до начала сегодняшней церемонии он сказал капитану, который охранял его, что он все же передал документы немцам. — Гонз пожимает плечами. — Я думал, вы должны знать, ведь вам поручили вести наблюдение за церемонией и доложить министру.

— Но я уже доложил министру... — Я в ужасе. Такого рода просмотр может стоить мне карьеры. С самого октября, несмотря на более чем достаточные улики против него, Дрейфус отказывался признать свою вину. А теперь мне сообщают, что он в конце концов признался. Сделал это практически у меня под носом, а я ничего не заметил! — Пожалуй, мне нужно пойти и проверить.

— Я вам тоже рекомендую. А когда все выясните, сообщите мне.

И снова я спешу на морозную серую улицу. Беру экипаж на углу бульвара Сен-Жермен и, когда мы доезжаем до Военной школы, прошу извозчика подождать меня. Тишина пустого плаца — словно насмешка надо мной. Единственный признак жизни — уборщики, очищающие от мусора площадь Фонтенуа. Я возвращаюсь в экипаж и прошу извозчика как можно скорее донести меня до штаба военного губернатора Парижа на Вандомской площади, где я жду полковника Герена в вестибюле этого мрачного и обветшалого здания. Он не торопится, а когда наконец появляется, то с видом человека, оторванного от

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАРРИС
ОФИЦЕР И ШПИОН

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Елена Терскова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.03.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HRBD2024001R